

83.3(2 Рис + Рука)

Толстовский Музей

Томъ II

ПЕРЕПИСКА

Л. Н. Толстого съ Н. Н. Страховымъ

1870 — 1894

Издание Общества Толстовского Музея

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1914

811 83.3(2Рос-Рус)1

Т 52

Толстовский Музей

Томъ II

ПЕРЕПИСКА

Л. Н. Толстого съ Н. Н. Страховымъ

1870—1894

Съ предисловіемъ и примѣчаніями

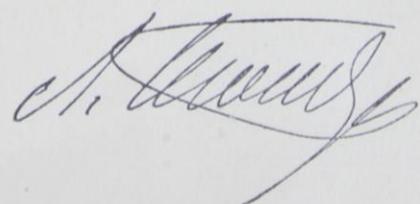
Б. Л. Модзалевскаго.

Издание Общества Толстовского Музея

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1914

A handwritten signature in cursive script, appearing to read "Н. Н. Ге".

Съ портрета работы Н. Н. Ге, 1886 г.

Предисловіе.

Переписка Л. Н. Толстого съ извѣстнымъ въ свое время (1860—1890-е гг.), но еще мало оцѣненнымъ критикомъ и мыслителемъ Николаемъ Николаевичемъ Страховымъ (родился 16-го октября 1828 г. въ г. Бѣлгородѣ Курской губерніи, умеръ 24-го января 1896 г. въ Петербургѣ) печатается по подлинникамъ, принадлежащимъ Обществу Толстовскаго Музея (письма Толстого) и семейному архиву Л. Н. Толстого (письма Страхова), откуда матеріалъ сообщенъ графиней С. А. Толстой.

Въ переписку эту входитъ свыше 70 писемъ и записокъ Толстого за 1870—1892 гг. и около 200 писемъ Страхова за 1881—1894 гг., причемъ не перепечатываются тѣ письма Толстого, которыя были опубликованы во второмъ томѣ извѣстнаго труда П. И. Бирюкова: «Л. Н. Толстой. Біографія. По неизданнымъ матеріаламъ (воспоминанія и письма Л. Н. Толстого)», а оттуда перепечатаны въ сборнике П. А. Сергеенка: «Письма Л. Н. Толстого», т. I и II. На эти письма сдѣланы лишь соотвѣтственныя ссылки и указанія¹⁾.

Переписка Толстого со Страховымъ дошла до насъ далеко не въ полномъ видѣ, какъ это можно видѣть изъ писемъ обоихъ корреспондентовъ, упоминающихъ о письмахъ, намъ пока неизвѣстныхъ. Слѣдуетъ надѣяться, что письма эти не только сохранились, но и находятся въ вѣрныхъ рукахъ²⁾ и будутъ современемъ опубликованы. Каждая строка Толстого для насъ дорога, особенно же дороги его письма къ такимъ лицамъ, съ которыми, какъ со Страховымъ, онъ былъ въ давнихъ дружескихъ отношеніяхъ, располагавшихъ его къ полной откровенности; этимъ письмамъ самъ Толстой склоненъ былъ придавать особенное значеніе и, отвѣчая на запросъ П. А. Сергеенка, писалъ ему 6-го февраля 1906 г.: «У меня было два (кромѣ А. А. Толстой—это третье) лица, къ которымъ я много написалъ

1) При изданіи писемъ Толстого и Страхова соблюдена орѳографія подлинниковъ, съ буквальною точностью, безъ какихъ бы то ни было сокращеній, и съ сохраненіемъ въ письмахъ Толстого словъ зачеркнутыхъ, но поддававшихъ все же разбору: такія слова заключены нами въ прямые скобки [ ]; въ такія же скобки поставлены и предположительныя даты писемъ или мѣста ихъ написанія; знаки препинанія также сохранены по мѣрѣ возможности и прибавлены только въ случаѣ необходимости. За помощь въ разборѣ нѣкоторыхъ нѣясно написанныхъ Толстымъ словъ и вообще въ снятіи копій съ писемъ приношу свою благодарность Е. А. и Н. А. Успенскимъ.

2) Въ 1893 г. А. М. Хирьяковъ переписывалъ у Страхова письма къ нему Толстого, по порученію В. Г. Черткова; по этимъ-то копіямъ, сохранившимся въ архивѣ послѣдняго, П. И. Бирюковъ напечаталъ нѣкоторыя письма Толстого и отрывки изъ нихъ въ своей біографіи Льва Николаевича.

писемъ и, сколько я вспоминаю, интересныхъ для тѣхъ, кому можетъ быть интересна моя личность. Это Страховъ и Кн. Серг. Сем. Урусовъ»¹⁾.

И дѣйствительно, уже по тѣмъ отрывкамъ, которые были опубликованы П. И. Бирюковымъ и П. А. Сергеенкомъ, письма Толстого къ Страхову могли быть оцѣнены по достоинству; несомнѣнно, поэтому, что печатаемыя ниже, съ письмами Страхова, ихъ вызвавшими или ими вызванными, они явятся драгоценнымъ материаломъ для биографіи обоихъ писателей. Ихъ связывала 25-лѣтняя дружба, которая со стороны Страхова была болѣе, чѣмъ 30-лѣтнимъ поклоненiemъ генiu Толстого и его величимъ душевнымъ и духовнымъ качествамъ. Это поклоненіе доходило до степени обожанія и вызывалось тѣмъ, что Страховъ считалъ художественное творчество Толстого «вполнѣ своеобразнымъ», представляющимъ «сліяніе самой яркой объективности съ самой глубокой субъективностью», — находилъ въ основѣ всей художественной дѣятельности Толстого то стремленіе къ «духу чистоты», которое онъ считалъ высшимъ совершенствомъ бытія. «Всѣмъ теперь очевидно», писалъ онъ въ предисловіи къ сборнику своихъ «Критическихъ статей объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ», «что, отъ самаго начала, сочувствія Толстого устремлялись къ простому и доброму, что эта освобожденная душа, умѣющая видѣть жизнь не въ отвлеченныхъ формахъ и не съ частныхъ точекъ зреїлъ, а во всей ея полнотѣ и цѣльности, упорно допускается истинной жизни среди всякаго рода фальшивыхъ явлений, и что она находитъ ее только въ томъ, что представляетъ самую чистую нравственную красоту, что бываетъ просто и смиренно до самоуниженія и въ то же время твердо и спокойно до степени величайшаго великодушія. Пусть это называются пантегизмомъ или фатализмомъ, или буддизмомъ, но во всякомъ случаѣ пусть признаютъ, что это путь, ведущій къ Богу, и что Толстой, вышедши на него, до сихъ поръ идетъ прямо, а не въ обратномъ направленіи»²⁾.

Страховъ считалъ Толстого «писателемъ несравненнымъ и единственнымъ, стоящимъ на высотѣ, которую теперь намъ даже трудно и опредѣлить; одно уже и теперь³⁾ ясно: не только намъ онъ кровно дорогъ, но, по величайшей цѣнности своего качества и по высокой степени, въ которой онъ проявилъ его, онъ долженъ занять мѣсто въ первыхъ рядахъ всемирной литературы»⁴⁾. въ другомъ мѣстѣ («Толки объ Л. Н. Толстомъ. Психологический этюдъ»)⁵⁾, утверждая, что извѣстность Толстого уже «стала истинно все-

1) Письма Л. Н. Толстого, т. II, стр. 227.

2) Изд. 2-е, С.-Пб. 1887, стр. XVI.

3) Писано въ 1885 г.

4) Тамъ-же, стр. XVII.

5) „Вопросы философіи и психологіи“ 1891 г., кн. 9, стр. 99, и „Воспоминанія и отрывки“ Н. Страхова, С.-Пб. 1892, стр. 132.

мирною», что о немъ «пишутъ и слѣдять во всѣхъ образованныхъ странахъ», онъ высказывалъ мнѣніе, что «можетъ быть со временемъ Вольтера не было писателя, который производилъ бы такое сильное дѣйствіе на своихъ современниковъ». При этомъ Страховъ не безъ основанія гордился тѣмъ, что онъ былъ первымъ критикомъ, угадавшимъ и оцѣнившимъ въ Толстомъ геніальнаго писателя и мыслителя еще при появленіи въ печати первыхъ частей «Войны и Мира»¹⁾, и, вспоминая о насыщикахъ, которымъ онъ за это тогда подвергался, онъ считалъ «лучшимъ своимъ дѣломъ» свою «критическую поэму въ четырехъ пѣсняхъ» — критический разборъ «Войны и Мира»²⁾.

Съ каждымъ вновь выходившимъ произведеніемъ Толстого восторгъ Страхова возрасталъ; «Анна Каренина» вызываетъ съ его стороны восхищеніе, котораго онъ и выразить уже не умѣеть, не находя словъ, чтобы передать свое изумленіе передъ красотами великаго созданія.

Таково было отношеніе Страхова къ Толстому, какъ мыслителю и писателю-художнику; но не менѣе, если не болѣе велико было увлеченіе, преклоненіе Страхова передъ личными качествами Льва Николаевича; свиданіе съ нимъ доставляетъ ему «минуты удивительнаго восторга» (см. ниже, письмо № 3); «скоро-ли и гдѣ Вы найдете человѣка, который бы такъ любилъ и понималъ Васъ, какъ я», — спрашиваетъ онъ Толстого (письмо № 9); «какая Вы для меня радость въ жизни», — восклицаетъ онъ (тамъ-же); «Я Васъ ставлю выше всѣхъ», — признается онъ далѣе (письмо № 11); «безцѣнный», «несравненный», «безконечноуважаемый», «поклоняемый и завидуемый», — вотъ эпитеты, которые Страховъ даетъ Толстому, всячески желая показать ему всю силу, глубину и горячность своихъ къ нему чувствъ. Эту преданность, это «безмѣрное» уваженіе, это преклоненіе предъ Толстымъ отмѣчаютъ и біографъ Толстого — П. И. Бирюковъ, и біографы Страхова, между прочимъ, В. В. Розановъ, Б. В. Никольский, Н. К. Михайловскій. Послѣдній, говоря о Страховѣ, замѣчаетъ, что онъ не можетъ себѣ вообразить Страхова рядомъ съ Толстымъ иначе, какъ колѣнопреклоненнымъ. «И дѣйствительно, замѣчаетъ по этому случаю П. И. Бирюковъ, Страховъ безмѣрно уважалъ и искренно любилъ Льва Николаевича»³⁾. Г. Никольский называетъ нѣжную любовь Страхова къ Толстому главною привязанностью въ его жизни, — наряду съ любовью къ Аполлону Григорьеву, Достоевскому, Фету и Н. Я. Данилевскому⁴⁾ (въ письмахъ Страхова къ послѣднему разсѣяно много любопытныхъ разсказовъ о Толстомъ и о Ясной Полянѣ)⁵⁾, а В. В. Розановъ въ своей статьѣ, посвященной

¹⁾ „Критическая статья объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ“, стр. XII.

²⁾ Письмо къ Толстому отъ 26 ноября 1873 г.

³⁾ П. Бирюковъ, т. II, стр. 141.

⁴⁾ Б. Никольский, Н. Н. Страховъ, С.-Пб. 1896, стр. 40.

⁵⁾ „Русскій Вѣстн.“ 1901, № 1, 2 и 3.

камъ, и умникамъ, что не встрѣчалъ никого, кто бы такъ работалъ головою, какъ Вы). Въ Ясной Полянѣ возможны всякия человѣческія бѣдствія, кромѣ одного—невозможна скука, потому что центръ этого міра—человѣкъ, непрерывно растущій душою. И смыслъ этой жизни я не могу иначе назвать, какъ святостью; это культь чистоты, простоты, добросовѣстнѣйшее и непринужденѣйшее стремленіе къ высшимъ цѣлямъ человека. Нѣтъ! это нѣчто удивительное! У Васъ могутъ быть недостатки и слабости, но они не имѣютъ значенія въ Вашей жизни; то, чѣмъ эта жизнь опредѣляется, высоко и безукоризненно. Все время у Васъ я чувствовалъ себя, какъ влюбленный».

Со своей стороны и Толстой платилъ Страхову за его чувства чувствами уваженія и серьезнаго, прочнаго расположенія. Въ письмѣ къ графинѣ А. А. Толстой, называя его своимъ пріятелемъ, Толстой говорить, что Страховъ—«одинъ изъ лучшихъ людей», которыхъ онъ знаетъ¹⁾. Писемъ Страхова Толстой ждалъ всегда съ нетерпѣніемъ, говорилъ, что съ особенно пріятнымъ чувствомъ распечатываетъ письма съ почеркомъ Страхова на адресѣ (см. письмо 26-го апрѣля 1892 г.) и любилъ бесѣдовать съ нимъ на волновавшія обоихъ темы. «Когда проснусь, то первое, что представляется,—это мое желаніе общенія съ Вами», писалъ онъ ему однажды (см. письмо 23-го ноября 1878 г.). «У меня», писалъ Толстой А. А. Фету 21-го июля 1876 г.: «недѣлю тому назадъ былъ Страховъ, съ которыми, безпрестанно поминая Васъ, я нафилософствовалъ до усталости. Если, Богъ дастъ, поѣдемъ въ Грайворонку, то приставимъ къ себѣ полицеімейстеромъ Петю, чтобы онъ не позволялъ говорить всю дорогу ни о философіи, ни о поэзіи, чтобы не было и помину ни о Л. Толстомъ, ни о Фетѣ²⁾... «Знаете-ли», писалъ ему Толстой въ началѣ личнаго знакомства своего со Страховымъ: «что меня въ васъ поразило болѣе всего? Это выраженіе вашего лица, когда вы разъ, не зная, что я въ кабинетѣ, вошли изъ сада въ балконную дверь. Это выраженіе, чуждое, сосредоточенное и строгое, объяснило мнѣ васъ (разумѣется, съ помощью того, что вы писали и говорили). Я увѣренъ, что вы предназначены къ чисто философской дѣятельности. Я говорю «чисто» въ смыслѣ отрѣшенія отъ поэтическаго, религіознаго объясненія вещей. Ибо философія чисто умственная есть уродливое западное произведеніе, и ни грекъ Платонъ, ни Шопенгауэръ, ни русскіе мыслители не понимали ее такъ. У васъ есть одно качество, которое я не встрѣчалъ ни у кого изъ русскихъ: это —при ясности и краткости изложенія мягкость, соединенная съ силой: вы не зубами рвete, а мягкими, сильными лапами. Я не знаю содержанія вашего предполагаемаго труда, но заглавіе мнѣ очень нравится,

¹⁾ Толстовскій Музей, т. I, С.-Пб. 1911, стр. 279, въ письмѣ отъ февраля 1877 г.

²⁾ Письма Л. Н. Толстого, собр. П. А. Сергеенко, т. II, стр. 48—49.

посмертному воспоминанию о Страховѣ¹⁾), говорить, что «вообще чрезвычайна была любовь его къ этому человѣку; къ Данилевскому (Николаю Яковлевичу) онъ былъ привязанъ, какъ къ типично собравшему въ себѣ свѣтлыя народныя черты: ясный умъ и твердый, опытный характеръ; къ Григорьеву (Аполлону Александровичу)—какъ къ инициатору правильныхъ приемовъ въ любимѣйшемъ его дѣлѣ—критикѣ; къ Толстому привязанность его была болѣе глубокая и мистическая: онъ любилъ его, какъ олицетвореніе лучшихъ и глубочайшихъ стремленій души человѣческой, какъ особливый нервъ въ огромномъ тѣлѣ человѣчества, въ коемъ мы, остальные, составляемъ менѣе понимающія и значущія части; онъ любилъ его именно въ его неясности, неоконченности... Любить въ немъ темную бездну, дна которой никто не видѣлъ, изъ глубины которой еще поднимается множество сокровищъ; и, нѣть сомнѣнія, лучшаго друга Толстой никогда не терялъ».

Къ сожалѣнію, Страховъ не написалъ очерка своего знакомства съ Толстымъ и унесъ съ собою въ могилу много цѣннѣйшихъ рассказовъ о немъ, и только въ краткой автобіографической запискѣ своей сухо сообщилъ, что знакомство его съ Л. Н. Толстымъ «случилось въ 1871 году. Послѣ статей о «Войнѣ и Мирѣ», разсказываетъ онъ: «я рѣшился написать ему письмо, въ которомъ просилъ дать что-нибудь для напечатанія въ «Зарѣ». Онъ отвѣталъ, что у него ничего нѣтъ, и прибавилъ настоятельную просьбу заѣхать въ нему въ Ясную Поляну, если представится возможность. Въ 1871 г. я получилъ изъ «Зари» 400 р., которые долго задерживались, и въ юнѣ поѣхалъ погостить у своихъ родныхъ въ Полтавѣ. Возвращаясь въ Петербургъ, я остановился въ Тулѣ, переночевалъ, взялъ извозчика и поѣхалъ въ Ясную. Съ тѣхъ поръ мы видаемся каждый годъ, т. е. обыкновенно я лѣтомъ гонцу у него мѣсяцъ, полтора. Мы иногда спорили, охладѣвали другъ къ другу, но добрыя чувства скоро брали верхъ; семья его полюбила меня, и теперь во мнѣ видятъ стараго, неизмѣннаго друга, каковъ я и есть на самомъ дѣлѣ»²⁾.

Такъ вспоминаетъ Страховъ, незадолго до своей смерти, о своемъ знакомствѣ съ Толстымъ,—вспоминаетъ холодно и сухо,—а вотъ какъ писалъ онъ Толстому въ 1876 г., вернувшись изъ Ясной Поляны: «Не счастье-ли, не величайшее-ли счастье знать такого человѣка, какъ Вы, и побывать въ такомъ уголкѣ земли, какъ Ясная Поляна? Вы создали вокругъ себя этотъ чудесный міръ, такой цѣльный и стройный, и въ немъ господствуетъ Вашъ духъ: простой, высокий и чистый. Напряженіе Вашей духовной жизни постоянно меня изумляетъ, съ первого нашего знакомства (до знакомства я думалъ о Васъ ниже, а теперь старательно внушаю всѣмъ, и дура-

¹⁾ „Русское Обозр.“ 1896, кн. 10, стр. 635—636, 649, 651.

²⁾ Б. В. Никольскій, назв. соч., стр. 50.

если оно опредѣляетъ содержаніе въ общемъ смыслѣ. Но да не будетъ это статья, но, пожалуйста, сочиненіе. Но бросьте развратную журнальную дѣятельность. Я вамъ про себя скажу: вы, вѣрно, испытываете то, что я тогда, когда жилъ, какъ вы (въ суетѣ), что изрѣдка выпадаютъ въ мѣсяцы часы досуга и тишины, во время которыхъ вокругъ тебя устанавливается понемногу ничѣмъ ненарушенная своя собственная атмосфера, и въ этой атмосферѣ всѣ жизненные явленія начинаютъ размѣщаться такъ, какъ они должны быть и суть для тебя, и чувствуешь себя и свои силы, какъ измученный человѣкъ послѣ бани. И въ эти-то минуты для себя (не для другихъ) истинно хочется работать и бываешь счастливъ однимъ сознаніемъ себя и своихъ силъ, иногда и работы. Это-то чувство вы, я думаю, испытываете, и нерѣдко и я прежде, теперь же это мое нормальное положеніе, и только изрѣдка я испытываю ту суету, въ которой и вы меня застали и которая только изрѣдка перерываетъ это состояніе. Вотъ этого то я бы желалъ вамъ»¹⁾.

Толстой любилъ въ Страховѣ вѣчную работу его мысли, его постоянныя исканія: «мы съ нимъ очень похожи другъ на друга нашими религіозными взглядами»,—писалъ онъ графинѣ А. А. Толстой по поводу ея словъ объ отношеніи Толстого къ вопросамъ религіи; «мы оба убѣждены, что философія ничего не даетъ, что безъ религіи жить нельзя, а вѣрить не можемъ»²⁾. Свое высокое довѣріе къ Страхову Толстой засвидѣтельствовалъ еще пѣтьмъ, что въ своемъ первомъ по времени завѣщательномъ распоряженіи (1895 г.) онъ поручилъ Страхову, вмѣстѣ съ графиней С. А. Толстой и В. Г. Чертковымъ разбрѣть и пересмотрѣть своихъ бумагъ³⁾. Лучше всего, однако, взаимные отношенія Страхова и Толстого выясняются, конечно, изъ ихъ переписки, изъ самаго тона писемъ обоихъ корреспондентовъ,—и къ изученію ея мы отсылаемъ читателей. Мы вполнѣ увѣрены, что переписка эта обратить на себя такое-же вниманіе, какое вызвали къ себѣ переписка Толстого съ графиней А. А. Толстой, опубликованная въ 1911 году Обществомъ Толстовскаго Музея, и сборники писемъ его, изданные П. А. Сергеенкомъ и А. Е. Грузинскимъ⁴⁾. Мы не сомнѣваемся также, что чтеніе это будетъ поучительно для всѣхъ почитателей великаго писателя земли Русской и во многомъ уяснить для нихъ его высокій духовный образъ.

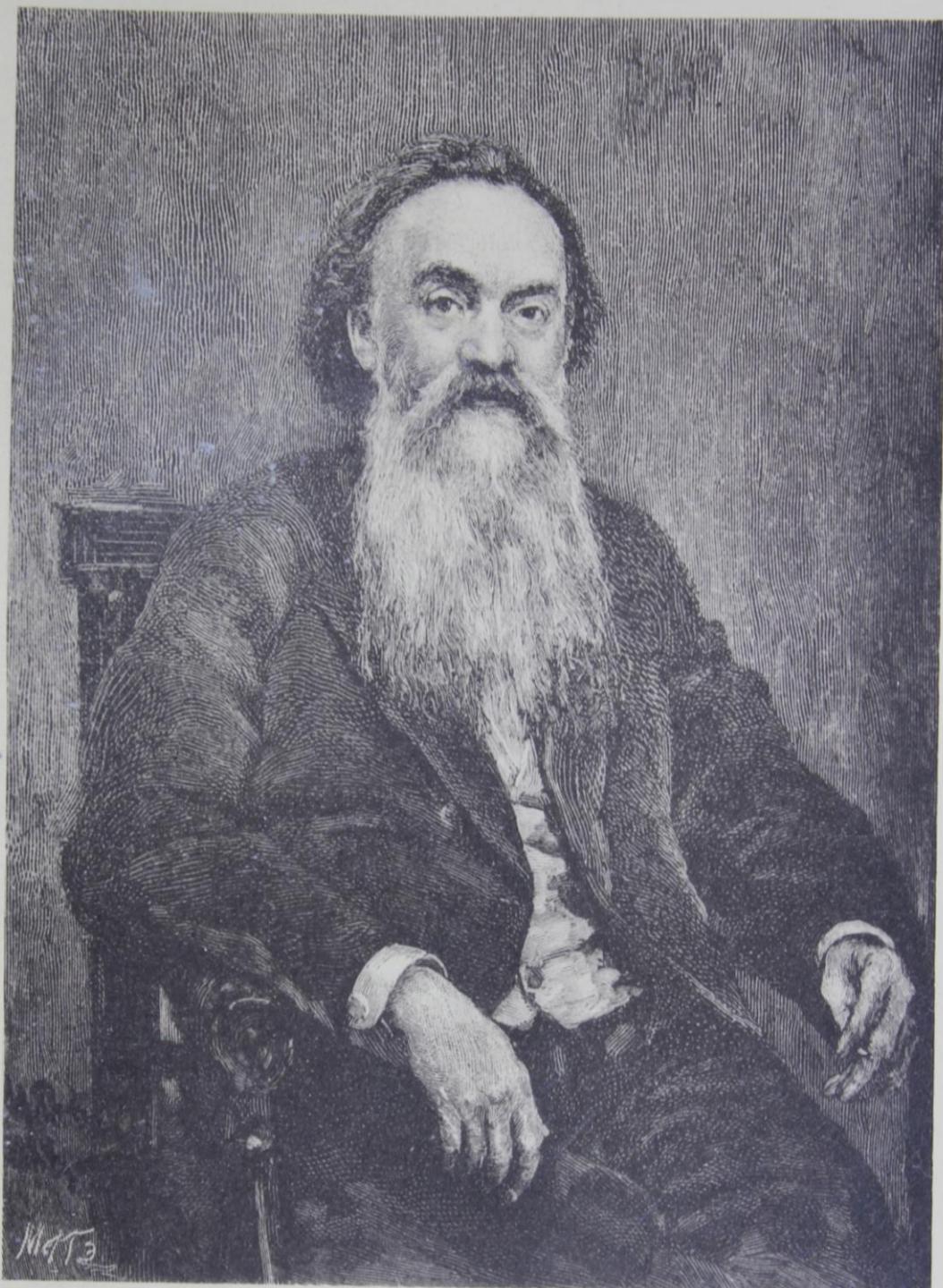
Б. Модзалевскій.

¹⁾ Письмо это приведено по кошіи изъ архива В. Г. Черткова, въ книгѣ П. И. Бирюкова, т. II стр. 241—242 и перепечатано у П. А. Сергеенка, т. I, стр. 94—95.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ «Толстовскій Ежегодникъ 1912 года», М. 1912. стр. 9 и 11.

⁴⁾ По поводу сборниковъ П. А. Сергеенка см. прекрасный этюдъ И. И. Замотина: „Л. Н. Толстой въ его письмахъ“, Варшава, 1912. Подъ редакціей А. Е. Грузинского въ Москвѣ изданъ въ 1912г. „Новый сборникъ писемъ Л. Н. Толстого“, собранныхъ также П. А. Сергеенкомъ. Характеристику переписки Толстого со Страховымъ см. въ статьѣ В. П. Краинхфельда въ „Современномъ Мирѣ“ 1912, № 12, стр. 327—342.

K. Страздов

Съ гравюры В. В. Матэ по портрету работы И. Е. Репина, 1888 г.